
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НЕ ХВАТИТ ЛИ «СБРАСЫВАТЬ ПУШКИНА С КОРАБЛЯ ИСТОРИИ»?

(Что нам следует взять из русской литературы советского периода)

◆ Раскрыл позднегоябрьский номер «Литературной газеты» и поначалу усомнился: а достоверно ли сообщение о том, что некая «высокая» минвузовская комиссия признала Литературный институт имени А. М. Горького неэффективным, то есть приговорила к ликвидации кузницу писательских кадров, недавно отметившую свой солидный юбилей. Но комментарии там же известных писателей убедили: все достоверно.

Правда, кто-то, тоже «сверху», дал отбой столь поспешному решению. Пока Литинституту велено жить. Прозрачно читается и подоплека решения об «неэффективности»: какому-то лауреату журнала «Форбс», ошалевшему от изобилия денег и обеспеченной ими вседозволенности захотелось («Хочу быть царицей морской!») для экзотики пожить в знаменитом Доме Герцена в самом что ни на есть культурно-историческом центре Москвы. Ни много ни мало. Вот и был сделан заказ.

При любом сюжете «неэффективности» случившееся — квинтэссенция современного состояния культуры в целом и литературы в частности особенности. Ее уничтожают в школах, опошляют в вузах, вытирают об нее ноги в многоликих СМИ... Точно кто-то тайноуправляющий нашим житьем-бытьем отдал приказ: некогда великую русскую и славную советскую литературу вычеркнуть из памяти людей средне-старших и просто старших поколений. А в головах вовсе уже не знающих ее молодых поколений поселить суррогат литературы: интернетовскую жвачку.— При полном отвращении к литерам на бумаге.

Как это технически, так сказать, делается? А очень просто: в отношении русской классики XIX — начала XX веков СМИ делают вид, что ее и вовсе не было, а русскую литературу советского периода всячески охаивать — по поводу и просто походя. Дескать, насквозь тоталитарная, как и весь режим советской власти, с лицемерием «поэзии рабочего удара», «Свинарки и пастуха», а также «Кубанских казаков». Из всего обилия имен упоминаются только «дозволенные имена»: в части поэзии Ахматова, Цветаева и Пастернак; иногда добавляется Мандельштам или Осип Бродский. В прозе же, конечно, тот же Пастернак, автор «Судьбы и жизни» и несколько сомнительный Михаил Афанасьевич. Афанасьичи — они всегда сомнительны; по себе знаю... Упомянуть-то эмигранты их упоминают, но читать как-то забывают. На всякий случай.

Вот и все, вот и славно. И железобетонный аргумент на демократический десерт: Сталин одел советских писателей «в мундиры», а надзор поручил Горькому.

...К месту или не к месту, но вспоминается очень смешной анекдот диссидентских шестидесятых годов.

Вызывает Сталин Горького к себе в кабинет. Там же за краешком стола сидит Берия, какие-то свои бумаги подписывает, до Горького ему дела нет.

— Алексей Максимович, вы в свое время написали замечательный роман «Мать». Он нам очень помог в мобилизации масс в революцию девятьсот пятого года. Однако сейчас иное время. Мы почти построили социализм. Нужно и в части литературы мобилизовать народ на успешное завершение этой великой стройки. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман... например, под названием, — здесь Сталин нарочито засмутился, делая вид, что занялся своей трубкой, — ...под названием «Отцы»? Опешивший Горький забормotal:

— Ну-у, Иосиф Виссарионович, я подумаю, я — попытаюсь...

— Вот-вот, Алексей Максимович, попытайтесь. Ведь **попытка — это не пит-ка?** Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?

◆ Только что исполнилось шестьдесят лет со дня кончины Сталина. Такая дата — лишний повод задаться вопросом: почему отечественные СМИ, зомбирующие 90—95 % людей, так торопятся в очередной раз «сбросить Пушкина с корабля истории»? То есть внушить масс-медиа: не было никакой советской русской литературы, все это сталинский тоталитарный мираж и наваждение. И сопряженный с ним вопрос: что мы, самодостаточно мыслящие, должны взять из арсенала русской литературы советского периода?

Ответ на первый вопрос предельно прост: социальный заказ. — Навалился класс-гегемон... Раскрытие же содержания вопроса второго — тема настоящего очерка.

Академическое литературоведение советского периода в определенном смысле разделяло творческие методы классической русской литературы — критический реализм и советской литературы — соцреализм. Наше убеждение — соцреализм является дальнейшим развитием критического реализма — обосновано в «Манифесте нового русского критического реализма» и во многом подтверждено материалами всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» — все опубликовано в «Приокских зорях» год с небольшим назад. Заинтересованные читатели легко могут освежить это в памяти.

Содержание же нового русского критического реализма, то есть современного творческого метода, суть органическое слияние наиболее выигрышных сторон «классического» русского критического реализма и соцреализма. Если в критическом реализме антагонизм добра и зла художественно отображается, преимущественно, в системе психологии индивидуальности, то в соцреализме доминирует психология коллективизма.

Но как быть новому русскому критическому реализму, претендующему на ведущую литературно-методологическую роль, в современном социуме с его сложными коллизиями индивидуального и коллективного начал?

Во-первых, нельзя утверждать, что в последнюю четверть века коллективное начало полностью уничтожено. Нет, просто оно расслоилось по классам и более дифференцированным социальным группам. Нельзя за двадцать с небольшим лет даже при мощном директивном натиске-давлении напрочь уничтожить почти что генетическую общинность русского человека! Это не европы-америки, где за полтысячелетие господства торгово-протестантской идеологии понятие коллектива выродилось в абсолютный ноль.

Во-вторых, современный индивидуализм в русской среде суть эйфория эгоцентризма: люди дорвались до частнособственничества и накопительства. Но всякая эйфория есть болезнь «возраста». Человек, тем более русский, как отбившийся волк рано или поздно вернется в свою стаю. Кому не нравится сравнение с волком (нам тоже не нравится...), подберите для себя более лабильных животных, обезьян, например. К сожалению, прекрасное во всех отношениях животное — кот является сугубым индивидуалистом...

Такой вот «паровой котел» получается: индивидуализм об руку с директивно

осуждаемым коллективизмом, эйфория обнялась с первоначальным накоплением капитала. Словом, сочинитель пишет роман о бытии за окном, а на письменном столе его чинно сидит обезьянка и умывающийся лапкой кот.

А если иутки в сторону, то творческий метод нового русского критического реализма дает писателю обширный карт-бланш и бескрайнее поле вдохновения. Одно «но»: за писание сейчас ни копейки не платят, издавать книги не на что, главное — народ напрочь перестал читать. Как говорит мой сосед-электрик: «С когтями, но не птица; летит и матерится!».

◆ Так что? — Сталин угробил великую русскую литературу, или сохранил ее и развил? Наши СМИ при ответе садятся на пол, чтобы можно было всеми четырьмя конечностями голосовать за первую часть вопроса.

И еще момент: говоря — в части литературы — «Сталин», мы подразумеваем: «Горький». И наоборот. Здесь «править лыко» следует с оценки литературной жизни и издательской деятельности первых четырех-пяти послереволюционных лет.

...Нечто схожее мы воочию наблюдали в короткие девяностые годы после разрушения — силами мирового зла и отечественных агентов влияния — бывшей сверхдержавы СССР: дробление бывшего единого писательского сообщества, пишут все и все что хотят, а на уличных развалах книготорговцев соседствуют труды Суворова-Резуна и Проханова, «Mein Kampf» и «Цитатник» Сталина; тут же мемуары белогвардейских писателей, «Протоколы сионских мудрецов» и националистические издания всех толков: «Молот ведьм» и «Энциклопедия Третьего Рейха», «Беседы Вельзевула со своим внуком» Георгия Гурджиева — бывшего однокашника Сталина по духовной семинарии, — запрещенный на Западе «Еврейский вопрос» Дэвида Дюка, Библия и Коран, толстенные тома кришнаитских сочинений... Не хватает только... впрочем — хватает: матерщина «Эдички» и толковые словари русского же мата.

Ситуация в послереволюционные годы наблюдалась еще более пестрая, но и более творческая: всевозможные «измы» соседствовали с оставшимися еще в России поэтами Серебряного века, мощно «работала» проза. С одной стороны, изоцирились имажинисты, те же Кусиков и Шершеневич, футуристы, дадаисты и пр., и пр. Но умами овладевали не они, а Блок с Маяковским и Николаем Гумилевым. Из дореволюционных «Северных сборников» и «Шиповника» выделялась горьковская группа: Gladков, Чапыгин, Шагинян, Панферов, вырослел Михаил Шолохов и многие будущие корифеи собственно советской русской литературы. В полный голос говорили Есенин и Клюев. Многие классики русской литературы оказались за пределами революционной России, но покинутые ими места не оставались пустыми.

В это же время происходили и другие события, уже настораживавшие классиков и новичков русской литературы, а Горький и вовсе предпочел «отсиживаться» на итальянском Капри, где еще до революции играл в шахматы с тем же Муссолини, тогда молодым социал-демократом... А события эти действительно были многозначительными: «философский пароход» Троцкого, комиссия Луначарского — Крупской, директивно решавшая что можно, и что нельзя читать и знать советскому человеку. Лубянка наводняла писательскую среду своими опекунами... Все дело шло к взятию молодым государством под свое крыло литературного процесса в России — СССР.

Пробным камнем стал РАПП — явно детище Иудушки Троцкого. Писать о нем, то есть о РАПП'е, не будем, только отметим его, пожалуй, единственное позитивное наследие: внесение в ранее разобщенную писательскую среду элементов коллективизма. Правда, в извращенной форме коллективной круговой поруки...

Именно в рапповских недрах появился эквивалентный более позднему соцреализму термин нового творческого метода — приснопамятная «борьба лучшего и еще более лучшего», который потом затаившиеся троцкисты и диссиденты приписали то ли Горькому, то ли Gladкову. Сущность же художественной идеологии раппов-

цев конгениально в одной фразе определили одесские классики: «Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился» — из романа рапповского сочинителя из группы «Стальное вымя».

◆ Сталин являл собою настоящего хозяина СССР — в том именно смысле, что хозяин обладает стратегическим мышлением, но при этом стратегию подкрепляет умелой тактикой и оперативным искусством. В части художественной литературы он прекрасно понимал: что здесь досталось СССР от прежней России и что уже приобретено в советское время. Знал и о разномасштабности литературных дарований, не скрывая это перед страной и миром. Заезжему именитому французскому писателю на вопрос о не очень высокой художественности молодой советской литературы ответил прямо: «Других писателей у меня нет».

...А после этого отечественные ненавистники (по убеждению, чаще — по служебной инструкции) Сталина говорят, дескать, усатый тиран знакомил заезжих знаменитостей со страной по потемкинским деревням!

Не менее ясно Иосиф Виссарионович осознавал, что РАПП — не помощник хозяину страны в создании высокохудожественной литературы, достойной великого государства, впервые в мировой истории строящего бесклассовое, социально ориентированное общество. Требовалось не просто обновление, но коренная реконструкция советского литературного процесса.

Здесь требовался помощник; говоря официальным языком: зам. по литературе. Звезда таланта Шолохова еще не взойшла, а многочисленные «демяны — бедные — мужики вредные» на такое большое дело не тянули. Был вытребован с Капри Алексей Максимович. Он не то что стремился стать завлитом СССР, но сталинское предположение совпало с досадливым для великого писателя обстоятельством: на Западе он вышел из моды, как только в Европе после потрясений Мировой войны и революционной активации наступило бюргерское затишье. Пролетарский же писатель с практической нижегородской хваткой уже привык жить в относительно-роскошном удобстве, а главное — в номинации «первого писателя». Хотя бы он и действительно таковым был... Так Алексей Максимович стал исполнителем сталинской реформы советского литературного процесса.

...К 130-летию со дня рождения Сталина было издано несколько книг*, в том числе и солидный — по размеру — трехтомник. Кстати, последний как раз и посвящен был взаимоотношению Иосифа Виссарионовича. Но здесь и в других работах о Сталине, где затрагивается тема литературы, речь идет исключительно о персоналиях. Дескать, имярек из писателей то-то сказал о Сталине, а Вождь тоже что-то сказал, правда, очень кратко, об имяреке... И ни полслова о роли Сталина в создании феномена русской советской литературы.

Опять же кстати: хотя автор трехтомника явный и не скрывающий этого антисталинист, но вывод для осилевшего эти тома несколько иной полярности: Вождь почти что нянчился даже с самыми ершистыми сочинителями (!). Действительно, написал один из кумиров нынешних СМИ: для Сталина «что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина», так ведь Вождь не расстрелял его, а похвалил талант поэта в своем кругу, посоветовав только обратить свой дар на более актуальные темы. Вот кураторы с Лубянки и порекомендовали поэту ненадолго поменять московскую квартиру на воронежскую. — Чтобы к народу ближе быть. А если его и расстреляли в годы энквэдешиного психоза, то это дело перестаравшихся лажеев хозяина...

* И мы не лыком шиты: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. — М.: «Московский Парнас», 2010. — 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Или тот же «сомнительный» Афанасьич. Сочинял он высокохудожественные, правдивые романы и пьесы, мало надеясь на постановку последних. Ан возьми Сталин и прикажи поставить «Белую гвардию» в лучших театрах страны. Да еще сам и ходил, как на службу, регулярно на ее постановки.

Конечно, книги о персоналиях в соотношении с фигурой Сталина не дают сколь-либо развернутого фона создания и развития советской литературы, но зато они фактологически подтверждают: Вождь ценил талантливых писателей, даже если они стрезву или спяну лезли бодаться с дубом. Слишком хорошо он понимал психологию «инженеров человеческих душ», чтобы не уметь отделить зерна от плевел. Как его учил отец Ираклий в духовной семинарии...

◆ *Создание Союза писателей СССР — главная веха в реализации генерального плана Сталина — Горького по закладке фундамента советской литературы. Прежде всего — русской. Конечно, политкорректно был дан старт и национальным литераторам. Даже в Средней Азии, где за неимением других кадров начальниками республиканских писательских союзов ставили бывших писарей басмаческих курбанбаши, которые, в свою очередь, обменяли свои маузеры на партбилеты и должности республиканских и областных секретарей... Ничто не ново под луной. Удивляться в нашем мире нечему, разве только снижению цен? — Но в послевоенные сталинские времена и этому перестали изумляться: каждое первое апреля — без всяких дураков — цены снижались. Однако, вернемся к литературе.*

Создание Союза писателей — вовсе не означало облачение литераторов в вицмундиры и намордники, как полагают нынешние демСМИ. Это организационно начало окончательный переход от литературного индивидуализма к советскому коллективизму. Конечно, это дисциплинировало писательское творчество, а ведь в душе своей каждый литератор в той или иной степени разгильдяй, лентяй и анархист с несколько повышенным самомнением. Так сказать, издержки творческой личности.

Но для не очень сытых тридцатых годов все это компенсировалось свалившимися, как манна небесная, финансово-бытовым устройством жизни писателей, освободив их время, нервы и души для творчества.

*...Будучи правоверным коммунистом, Сталин был настоящим хозяином, который прекрасно понимает: добротную работу можно требовать только с сытого человека. Писатели здесь не являлись исключением. До сих пор вузовские преподаватели, как некую легенду, уже в котором поколении вспоминают 1953-й год, когда профессорам и доцентам в одночасье увеличили зарплату сразу в три раза (?!). Ответная реакция не заставила себя ждать: в считанные годы советское высшее образование заняло ведущие позиции в мире.**

Наконец, с созданием Союза писателей, последние приобрели впервые в мире статус элитарности! А быть советской элитой — это не фунт изюма. Даже не владение, говоря о нынешних реалиях, нефтяными трубами, городскими кладбищами, сетью городских супермаркетов. Или свалок и опять же сетью городских сортиров...

◆ *Как профессура сталинских вузов, так и советские писатели ответили госвласти адекватно, создав в 30—60-е годы советскую, прежде всего русскую, литературу соцреализма. Содержание и качество ее всесторонне рассмотрено в тысячах книг, диссертаций и пр. Не все они подхалимские, так что реальная картина выписывается. Это не тема настоящей передовицы литературного журнала. Нам*

* Для грустной аналогии: современный профессор в провинциальном ВУЗ'е имеет месячную зарплату в 15 тысяч (не подумайте «дурного» — рублей, не долларов) «чистыми». Столько же имеет и пишущий эти строки: активно работающий ученый-биофизик, хорошо известный в научном мире. К тому же — Заслуженный деятель науки РФ, двойной доктор наук, двойной профессор и пр., и пр...

предстоит ответить на вопрос: что нам следует взять из русской литературы советского периода?

Желательно, конечно, сотысячные тиражи издаваемых книг с гонорарами, на которые можно жить. И жить относительно неплохо. Увы, сейчас и в обозримом будущем это звучит издевкой...

Но нельзя и в очередной раз «сбрасывать Пушкина с корабля истории», как наши СМИ советуют поступить с русской литературой советского периода. То есть делать вид, что семьдесят лет в России — СССР таковой вообще не существовало, не существовал этаким «художественный пробел». Оно же зеро-нуль.— Для тех, кто балуется преферансом.

Умный же человек, тем более служащий не за страх, а за совесть великой русской литературе, полагает совсем наоборот: мы не только все «вышли из гоголевской «Шинели», но и из шолоховского «Тихого Дона», книг Булгакова, Федина, Соболева, Фадеева, Лихоносова, стихов Маяковского, Есенина, Смелякова, обоих Рождественских, Рубцова. Как провидчески грустно писал последний: «Мне поставят памятник в городе или на селе, буду я и каменный — навеселе».

...И даже из «Цемент», «Гидроцентрали», «Четырех уроков у Ленина», «Журбиных» и «Бронепоезда 1469», ведь Гладков, Шагинян, Кочетов писали по велению души. Хотя и был соцзаказ, но он вовсе вне рамок приведенного выше диссидентского анекдота о романе «Отэц».

Автор этих строк читал названные романы в свое время вовсе не следуя параграфам школьной программы. И сейчас бы читал их с меньшим интересом. Хотя бы был и есть человеком вольномыслящим.— Даже в рецензии на дипломную работу в Литинституте маститый писатель «припечатал» нас: «Крайне левый деревенщик».— И спасибо ему.

Редактируя восьмой год журнал «Приокские зори», то есть знакомясь со множеством рукописей, присылаемых со всей России, из стран СНГ и Европы с Америкой авторами как «с именем», так (пока) и без оно, без всякой натяжки могу констатировать: даже очень молодые авторы следуют традициям классической русской и русской советской литературной школы.

*...Не могу сказать «из чего вышли» немногочисленные современные запиаренные сочинители? — В «Приокские зори» они свои материалы не шлют, равно как и в любые другие журналы — гонорары сейчас в периодике не платят, или мало платят. А покупать их книги накладно — профессорская зарплата не позволяет (см. сноску выше).**

◆ *Итак, резюмируем вышеизложенное, не удержавшись, перефразируя название книги Мариэтты Шагинян: четыре урока советской русской литературы.*

Урок первый. *Советская литература являлась интернациональной по определению, соцзаказу и внутренним убеждениям писателей. Таковой же она должна оставаться и сейчас, хотя это очень сложно в художественном выражении, учитывая реалии нашего бытия. Какие? Сами прекрасно знаете, уважаемый читатель. Пояснять не будем, только заметим: куда как легко быть ксенофобом, но намного сложнее разложить все по полочкам: кто виноват? И сверхзадача писателя-интерна-*

* У кого что болит... Опять же вернемся к нашей славной профессуре. Еще некогда великий реформатор Ч., бывший доцент марксизма-ленинизма, заявил во всеуслышание: настоящий ученый тот, кто занимается и бизнесом.— В этом смысле сказал. А совсем недавно — ноябрь 2012 года — очень высокий чиновник по линии образования и науки тож всепублично заявил, что-де в России средняя зарплата профессора превышает 30 т. рублей, а кто получает меньше — тот... точного термина его не запомнил, кто получает меньше, вроде как неэффективный, самонедостаточный... словом — почти что идиот и бездельник.— Это к радости всех 80—90 % всех российских профессоров. Нет! Вспомнил: назвал он низкооплачиваемую профессуру никчемной...

ционалиста — не делать акцента на негативных сторонах современной межнациональной коллизии в России. Но не обходить этот болезненный момент, а понимать: кто и за что поставил всех нас, все сто с лишним национальностей в стране, в такую ситуацию. Главное — какие кукловоды, преимущественно со стороны «наших злейших друзей» из-за «бугра», дергают национальную ниточку. К тому же следует помнить: сейчас именно русские «остались на бобах»...

Урок второй. Советская литература — выраженно бесклассовая, ибо и классов де-факто в СССР не было; разделение на рабочих, крестьян и пресловутую «прослойку» — хорошая мина при хорошей игре. Сейчас наши (скорее «наши»...) СМИ радостно оповещают: наконец-то и у нас как у людей, Запада то есть, — сузубо классовое общество. Но в том-то все дело, что и сейчас у нас нет... никакой классовости. Поясним этот невероятный факт.

Классы создавались в буржуазных государствах столетиями. Столь почтенный возраст в определенном смысле сделал классовое деление легитимным. Это естественный процесс социально-экономической эволюции. В современной России все это нарушено, главное — антиэволюционно: неестественный возврат от более высокоорганизованной, социально ориентированной формации к эволюционно предшествующей — частнособственнической. Поэтому тщетно нас убеждают все те же СМИ о существовании в России классов: скороговоркой говорят об олигархическом классе, классе крупных «предпринимателей», сросшихся с госвластью, пресловутом, навязшем на зубах «среднем классе», классе неимоверно разросшегося — причем искусственно взращенного — чиновничества. Такое обилие чиновников имело только в Древнем Риме в период его стагнации и окончательного упадка. ...И подавляющее большинство населения более чем скромного достатка. Их СМИ стыдливо не именуют классом, предпочитая называть «рядовыми обывателями».

Итак, как в СССР, так сейчас, был и есть только **один** класс: труженников. Все остальные — не классы, а группировки по роду деятельности, нелегитимизированные естественной социально-экономической эволюцией. В СССР эти группировки, по-преимуществу, являлись либо противозаконными, либо же по необходимости «терпимыми». В современной России эти группировки «держат шишку», говоря языком старинных волжских бурлаков.*

Таким образом, исходя из основного закона критического реализма, соцреализма в том числе, — художественное воплощение противостояния позитивного и негативного в рамках (христианской в своей основе) морали, данный творческий метод в принципе одинаково реализуется как для современной литературы, так же, как он «работал» в литературе соцреализма. В этом состоит второй урок русской литературы советского периода, который мы заимствуем.

Урок третий. Он относится к народности русской литературы и являлся преобладающим для периода соцреализма. Современная литература нового русского критического реализма если и жива сейчас, то только благодаря все тому же качеству народности. Пока, конечно, все наши потенциальные читатели не перешли — под водительством зомбирующих СМИ — в число потребителей пресловутой «компьютерной» литературы (см. в «Приокских зорях» дискуссию 2012-го года о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы): комиксы, бессмысленные детективы в сплошных диалогах, маразматические «фэнтази», перепевы дурно понятых скоропостижными «авторами» модных западно-восточных попфилософий и прочая чушь, окончательно дебилизирующая бедного читателя.

Урок четвертый. Военная тематика в советской литературе была поднята на невероятную высоту, воспитывая в читателях, особенно молодых, чувства пат-

* Шишка — утолщенный конец бурлацкого троса; за шишку тянул вожак бурлаков: самый сильный и хорошо знающий наиболее удобный путь вдоль берега реки.

риотизма и восприятия исторической правды. Сейчас — это болезненная тема: как для авторов, так и для читателей. Болезненная — опять же по вине современных СМИ. Они творят здесь чудовищное. Несомненно умный и самодостаточно мыслящий читатель «Приокских зорь» все это прекрасно слышит — видит и понимает.

Помня этот урок русской литературы советского периода, современные писатели должны, обязаны продолжать военно-историческую тематику, держа в памяти слова Леонардо да Винчи: «Истина была единственной дочерью времени».

...Хотел красиво завершить настоящую «Колонку суждением великого итальянца, но вот вернулся с квартального собрания Тульской писательской организации Союза писателей России, где, что называется «в кулуарах», задал нескольким писателям — равного физического и творческого возраста, отчасти различающихся по убеждениям и пр. — два вопроса: а) что нам можно и нужно взять в свою практику от русской советской литературы? б) какое основное достижение советской литературы в общеплановом масштабе?

Ответ получил (усреднено) одинаковым: *взять все!* Ибо впервые в истории русской литературы она заставила своих читателей — а это была тогда вся страна — осознать себя человеком.

Вот теперь можно *point sur les “i”*.*

Уважаемые авторы!

Обратите внимание (см. с. 2): у нас теперь собственный сайт в Интернете. Прежний сайт недействителен.

И еще: поздравляем авторов и читателей «Приокских зорь» с небольшим юбилеем: этот номер журнала тридцатый по счету. «Поздравляем» и жителей Тулы: только что закрылся последний книжный магазин; теперь в части литературы, да и всего остального, Тула — «город зеро» — вспомните известный одноименный фильм с Леонидом Филатовым...

* Поставить точку над «i» (фр.).